

УДК 347.4

ББК 67.404.200

Принцип добросовестности при исполнении обязательства

Т.А. Филиппова¹, С.Б. Жаркенова²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Евразийский национальный университет им. Гумилева (Астана, Казахстан)

Principle of Conscientiousness in the Performance of the Obligation

T.A. Filippova¹, S.B. Zharkenova²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Исследуются актуальные проблемы исполнения гражданско-правового обязательства с учетом принципа добросовестности. Анализируются новеллы обязательственного права в части реализации указанного принципа. Установлено, что новая редакция статей Гражданского кодекса РФ об исполнении обязательства направлена на обеспечение стабильности гражданского оборота, на учет интересов участвующих в обязательстве лиц. Замечено, что принцип добросовестности является известным противовесом нормам о свободе договора. Отмечается несколько подходов законодателя к использованию правил о добросовестности в нормах, посвященных исполнению обязательства. На основе анализа судебно-арбитражной практики подчеркивается значение судебного усмотрения при определении характера поведения сторон и его последствий. Подчеркивается возможность суда по собственной инициативе обсуждать вопрос о характере поведения сторон договорных отношений при рассмотрении спора между ними. Приводятся гражданско-правовые последствия, закрепленные в нормах обязательственного права, которые могут быть применены при недобросовестном поведении одной из сторон договора. Отмечается, что при выборе судом правовых последствий недобросовестного поведения участников гражданско-правовых обязательств следует использовать критерии, перечень которых должен быть определен в действующем законодательстве.

Ключевые слова: гражданское законодательство, принцип добросовестности, обязательство, исполнение договора, свобода договора, судебная практика.

The actual problems of execution of the civil-law obligation are considered, taking into account the principle of conscientiousness. The authors analyze the novels of the law of obligations regarding the implementation of this principle. It is established that the new version of the articles of the Civil Code of the Russian Federation on the fulfillment of the obligation is aimed at ensuring the stability of the civil turnover, taking into account the interests of the persons participating in the obligation. It is noted that the principle of good faith is a known counterweight to the norms of freedom of contract. There are several approaches of the legislator to the use of rules of good faith in the norms on the performance of the obligation. Based on the analysis of judicial and arbitration practice, the importance of judicial discretion is emphasized in determining the nature of the behavior of the parties and its consequences. The possibility of the court on its own initiative to discuss the issue of the nature of the conduct of the parties to contractual relations when considering the dispute between them is underlined. Civic — legal consequences are set forth in the norms of the obligation law, which can be applied in case of unfair conduct by one of the parties to the contract. It is noted that when the court chooses the legal consequences of the unfair conduct of participants of civic — legal obligations, criteria should be used, the list of which should be defined in the current legislation.

Key words: civil law, principle of conscientious, obligation, performance of obligations, freedom of contract, precedent.

DOI 10.14258/izvasu(2018)6-37

Концептуальная реформа гражданского законодательства, проведенная в последние годы в нашей стране, особое внимание уделила общим положениям гражданского права. Результатом этого стало закрепление в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК) таких основных начал, которые повышают нравственную составляющую гражданско-правового регулирования, особенно в части осуществления гражданских прав.

Отдельная норма в указанной статье посвящена принципу добросовестности. Согласно ей при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и осуществлении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК). Как справедливо отмечается в юридической литературе, теперь для применения данного принципа появились солидные юридические основания [1, с. 173]. Данный принцип известен законодательству подавляющего большинства зарубежных стран, он позволяет реагировать мерами гражданско-правового характера на недобросовестное поведение участников гражданского оборота [2, с. 15]. Поэтому вполне закономерным выглядит закрепление в ГК правила о том, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК).

Специальное упоминание о добросовестности субъектов гражданско-правовых отношений имеется не только в общих положениях гражданского законодательства, но и в отдельных его институтах, в частности в корпоративном праве, в нормах о сделках, в нормах об основаниях и защите права собственности и в договорном праве. Причем в последнем из приведенных институтов о данном принципе упоминается на всех стадиях развития договорного правоотношения: от заключения договора до его исполнения. Закрепление правила о добросовестности в этом разделе представляется особенно важным, так как этот принцип является своего рода противовесом нормам, закрепляющим свободу договора и автономию воли сторон договорного отношения. На это прямо указывалось в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в части 1, 2, 3, 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» [3].

В юридической литературе отмечается определенный интерес к анализу данного принципа в качестве основных начал гражданского законодательства, но наряду с этим необходимо выяснить его содержание и особенности применения в разных институтах гражданского права. Исследование названного принципа в таком аспекте имеет и практическое значение с точки зрения формирования единообразной правоприменительной практики.

При анализе действующей редакции статей ГК об обязательствах можно увидеть несколько подходов законодателя к использованию правил о добросовестности. В одних случаях прямо указывается, что стороны должны действовать добросовестно, например в п. 2 ст. 434.1. Согласно данной норме при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно. В этом же ряду находятся нормы, закрепляющие правила эстоппеля как частного случая добросовестности. ГК в п. 3 ст. 432 устанавливает, что сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору или иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности. Таким образом, в законодательстве четко сформулировано положение, согласно которому субъект не вправе отступить от выбранной модели поведения. Безусловно, такие подходы в правовом регулировании способствуют стабильности гражданского оборота и особенно важны в сфере предпринимательской деятельности.

Второй прием законодателя при обращении к принципу добросовестности в обязательственном праве прямо противоположный. В отдельных нормах установлены последствия недобросовестного поведения стороны, т.е. в норме ГК указывается, что именно недобросовестное поведение является основанием для ее применения. В качестве примера можно сослаться на ст. 431.1. В ней предусмотрена возможность признания договора недействительным по инициативе стороны, чьи интересы были нарушены недобросовестным поведением другой стороны, в частности, если предоставленное другой стороной исполнение связано с заведомо недобросовестными действиями этой стороны. Аналогичный подход имеет место в п. 5 ст. 166 ГК, в котором предусмотрено, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

В некоторых случаях законодатель в конкретных статьях не использует прямо понятия добросовестного или недобросовестного поведения сторон, но само содержание статьи позволяет сделать вывод, что характер поведения стороны должен быть оценен именно с этих позиций. Так, в п. 5 ст. 450.1 ГК указано, что в случаях наличия оснований для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на такой отказ, подтверждает действие

договора в том числе путем принятия от другой стороны предложенного исполнения обязательства, последующий отказ по тем же основаниям не допускается.

Для применения правил, закрепленных в указанных и иных статьях гражданского законодательства, особое значение приобретает понятие самого добросовестного либо недобросовестного поведения, определение его признаков. Важность этого понятия и его практическая значимость в правоприменительной практике приводит к тому, что предпринимаются попытки сформулировать его понятие. Однако даже доктринальные определения почти всегда вызывают оживленную критическую дискуссию [4, с. 93–95]. Нельзя разделить и предложения закрепить легальное определение добросовестности в статьях ГК, оно, несомненно, носит оценочный характер. Разработчики изменений в ГК неоднократно подчеркивали, что многие нововведения в гражданское законодательство рассчитаны на более широкие возможности для судебного усмотрения в спорных случаях. В действующем законодательстве нередко закрепляются оценочные категории, использование которых не вызывает затруднений на практике. Определенные ориентиры в понимании таких понятий предлагает судебная практика в виде обобщений и разъяснений, выражаемых в разных формах судебных актов. В этой связи вполне достаточным и оптимальным представляется вывод, предложенный в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации № 25 от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5]. В п. 1 данного постановления указано, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, судам следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Анализ судебной практики показывает, что при разрешении споров, связанных с исполнением обязательств, суды довольно часто оценивают поведение сторон с позиции их добросовестности/недобросовестности при вынесении судебного решения с учетом приведенного разъяснения. Так, по одному делу, связанному со взысканием долга по договору займа, суд посчитал, что в части взыскания процентов за пользование займом в действиях истца усматривается недобросовестное поведение, выразившееся в длительной неподаче иска в суд о взыскании долга, в связи с чем сумма процентов превысила сумму займа в десять раз. Суд посчитал, что длительное необращение в суд с иском о взыскании процентов свидетельствует о несоблюдении истцом принципов разумности и добросовестности в возникших между

сторонами правоотношениях, и частично удовлетворил требования (дело № 2-2273/2016).

В другом деле при рассмотрении иска ООО «Агрохолдинг» к администрации Целинного района Алтайского края и ООО «Шанс» о понуждении к заключению договора аренды земельного участка и признании недействительным договора аренды суд, отказывая в удовлетворении исковых требований, прямо сослался на приведенное Постановление Пленума Верховного суда. В судебном решении была дана оценка поведения истца следующим образом: исходя из обычных условий гражданского оборота, после издания постановления о предоставлении земельного участка в аренду истец, действуя добросовестно, должен был в установленном порядке совершить действия по заключению договора. Между тем истец в разумные сроки, пока земельный участок не был предоставлен другому лицу, в администрацию за подписанием договора аренды не обратился. Только в феврале 2015 г., непосредственно перед обращением в суд, оплатил арендные платежи за 2013 и 2014 гг., что свидетельствует о том, что истцом нарушен принцип добросовестного поведения в гражданском обороте. Предъявление требования о понуждении к заключению договора аренды спустя три года после издания постановления о предоставлении земельного участка и после передачи спорного земельного участка в аренду другому лицу не может расцениваться как разумное и добросовестное действие. Как представляется, судом приведены убедительные доводы, подтверждающие, что действия истца отличались от поведения, которое следует ожидать от заинтересованного субъекта, желающего реализовать свое право [6].

Важное значение для обеспечения стабильности гражданского оборота приобретает и следующее разъяснение Пленума Верховного суда: поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (ч. 4 п. 1).

В этой части интерес представляет дело, рассмотренное Арбитражным судом Алтайского края, по иску акционерного общества «Алтайэнергосбыт» к ООО «Элмо» о взыскании суммы задолженности по договору энергоснабжения. Удовлетворяя иски требования, суд уделил внимание поведению ответчика, указал, что его позиция при рассмотрении дела является противоречивой, и отметил, что действующим законодательством и сложившейся судебной практикой не допускается попустительство

в отношении противоречивого и недобросовестного поведения субъектов хозяйственного оборота, не соответствующего обычной коммерческой честности. Таким поведением является, в частности, поведение, не соответствующее предшествующим заявлениям или поведению стороны, при условии, что другая сторона в своих действиях разумно полагалась на них. Суд в вынесенном решении прямо указал, что, принимая во внимание обстоятельства дела, поведение ответчика при исполнении обязательства (частичная оплата), заявление ответчика об отсутствии отношений по энергоснабжению, и, соответственно, наличия задолженности нарушает принцип добросовестности участников гражданских отношений, вводит истца в заблуждение относительно своих намерений. При таких выводах иск был удовлетворен в полном объеме [7]. Как видно, судебной практикой выработаны определенные критерии, по которым оценивается поведение субъектов гражданско-правовых отношений при реализации принципа добросовестности при заключении договора и исполнении обязательства.

Следует отметить, действующее гражданское законодательство устанавливает, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (п. 5 ст. 10 ГК). Данное положение означает, что само управомоченное лицо считается действующим добросовестно, пока не будет доказано иное. Таким образом, указанная норма распределяет бремя доказывания между субъектами гражданско-правового отношения. Однако учитывая, что требование добросовестного поведения возведено в ранг основных начал гражданского законодательства, названное Постановление Пленума Верховного суда предусматривает возможность суда по собственной инициативе выносить на обсуждение решение вопроса о добросовестном либо недобросовестном поведении одной из сторон обязательства.

Устанавливая определенные требования к поведению участников гражданского оборота, законодатель не мог обойти вниманием и вопрос о последствиях их несоблюдения или нарушения. В неоднократно упоминаемом постановлении Пленума указывается, что в случае если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК). В статье ГК, на которую дана ссылка, не названы прямо иные меры, кроме отказа в защите права, однако в нормах договорного права содержатся специальные правила, которые могут быть при-

менены при таких обстоятельствах. В постановлении Пленума приведен ряд мер, которые могут быть применены судом, в частности признание условия, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона, соответственно наступившим или ненаступившим (п. 3 ст. 157 ГК), указывается, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК). Безусловно, это лишь примерный список последствий недобросовестного поведения стороны.

В этом ряду следует упомянуть и возмещение убытков, включая косвенные убытки, при нарушении правил ведения переговоров. В ст. 450.1 в качестве последствия недобросовестного поведения указана недопустимость последующего отказа от договора по тем же основаниям. Как видно, все эти меры имеют разную правовую природу, а значит, разные основания наступления. Но данное обстоятельство не всегда учитывается и в самих нормах права, и в судебной практике. Как представляется, поскольку речь о добросовестности идет в контексте основных начал гражданского законодательства, то при применении последствий нарушения данного требования судебное усмотрение не может быть широко использовано. И.А. Покровский приводил ярчайшую оценку судебному усмотрению, усомнившись в том, что все проблемы, нерешенные законодателем, оказались переброшены на плечи судьи. «И когда отдаешь себе отчет во всей огромности этих проблем, не можешь не усомниться в правильности такого приема социального регулирования» [8, с. 273]. Думается, что в действующем законодательстве должны быть введены некоторые критерии, определяющие выбор соответствующего правового последствия. Пока же прямо закреплен только один из них, который также установлен в ст. 1 ГК: никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Именно это положение нередко используется судами при вынесении решений по конкретным спорам. По-видимому, задачей научных исследований должно стать формирование и иных подходов, которые могли бы быть использованы судебной практикой для более обоснованных и аргументированных решений.

Из всех приведенных последствий недобросовестного поведения наиболее востребованным оказался отказ в защите полностью или частично нарушенного права. Вопрос о характере данного способа защиты неоднократно был предметом научных исследований, однако до настоящего времени он не получил своего разрешения. Отказ в защите права по своей сути представляет процессуальное действие, в то время как ст. 12 ГК «Способы защиты гражданских прав» в качестве такового его не называет. На практике этот способ защиты воплощается в отказе в удовлетворении иска либо в уменьшении

размера процентов, подлежащих взысканию, и подобных мерах, которые носят гражданско-правовой характер. Нормы договорного права в этой части предусматривают более разнообразные меры, которые могут быть применены судом при установлении недобросовестности действий одной из сторон, среди них могут быть названы правила, закрепленные в нормах о публичном договоре (ст. 426 ГК) и договоре присоединения (ст. 428 ГК).

При исполнении обязательства принцип добросовестности должен применяться и при выборе способа защиты нарушенного права кредитора. Довольно показательной в этом плане является ст. 466 ГК, предусматривающая последствия нарушения условия о количестве товара. Если продавец передал в нарушение договора купли-продажи покупателю меньшее количество товара, чем определено договором, покупатель вправе, если иное не предусмотрено договором, либо потребовать передать недостающее количество товара, либо отказаться от переданного товара и от его оплаты, а если товар оплачен — возврата уплаченной денежной суммы. Данная диспозитивная норма предоставляет право выбора покупателю, который может предъявить одно из названных последствий в случае нарушения условия о количестве товара в договоре купли-продажи. При этом не важно, какое количество товара не было недоставлено. Одинаковые последствия предусмотрены и на случай непередачи 50 из 100 единиц или 5 из 100. В юридической литературе обращалось внимание на проблематичность применения данной статьи [9, с. 40].

Представляется, что в настоящее время не должно возникать трудностей с ее применением. Анализируемый принцип исполнения обязательства позволяет оценить поведение стороны, которая отказывается от переданного товара даже при незначительном нарушении условия о его количестве, как недобросовестное с применением соответствующих последствий.

Рассматривая вопрос о добросовестности, нельзя не коснуться его соотношения с категорией злоупотребления правом. Само понятие злоупотребление правом используется законодателем и предусмотрено в ст. 10 ГК. Примечательно, что презумпция добросовестного поведения участников гражданских правоотношений закреплена именно в данной статье ГК. Едва ли не общепринятым является утверждение о том, что злоупотребление правом — категория, противоположная добросовестности. Руководствуясь таким подходом, судебные органы используют правила ст. 10 ГК довольно активно, применяя ее положения при разрешении судебных споров. При этом не все случаи ее применения являются бесспорными и вызывают понимание со стороны участников спора. Так, до недавнего времени существовала практика применения ст. 10 ГК арбитражными судами при рассмотрении дел с участием банков. Злоупотреблением правом

признавались ситуации, когда на момент заключения договора поручительства в обеспечение кредитного договора активов поручителя было недостаточно для исполнения основного обязательства заемщика в полном объеме. По мнению ряда арбитражных судов, это свидетельствовало о злоупотреблении правом кредитора и поручителя, поскольку последний фактически не может обеспечить основное обязательство имеющимися у него активами [10].

В другом примере согласованные действия нескольких участников аукциона, направленные на создание лишь видимости состязательности и торговой активности на аукционе, совершенные в интересах одного из них и с целью отсеять потенциальные предложения добросовестных участников, в результате чего фактическая цена реализации отклонилась в худшую для должника сторону от того уровня, который сформировался бы без таких действий, свидетельствует о злоупотреблении правом путем манипулирования ценами. В разрешаемом деле судом было установлено, что общество, внеся ценовое предложение, которое многократно превышало шаг аукциона, остановило тем самым торги, а впоследствии отказалось от заключения договора купли-продажи [11].

Приведенные примеры подтверждают необходимость более четкого представления о том, какие действия могут быть названы злоупотреблением правом, а какие добросовестным поведением. Как представляется, действующая редакция ст. 10 ГК позволяет говорить о злоупотреблении не просто как о недобросовестном поведении, а о таком его виде, в котором поведение лица является умышленным, целенаправленным, намеренным. Причем умысел в этом случае направлен не на нарушение конкретной нормы права (такая норма может и отсутствовать в законодательстве), а на внутреннюю сущность права — создание средствами правового регулирования юридического равенства участников гражданских правоотношений. Достаточно показательной в этом плане является позиция Верховного суда РФ, выраженная в его определении от 03 февраля 2015 г. №32-КГ 14-17, согласно которой злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность.

В каждом конкретном случае требуется оценить, было ли поведение лица добросовестным или нет, а при последнем варианте — имело ли место заведомо недобросовестное осуществление субъективного права, которое следует квалифицировать как злоупотребление правом. Таким образом, не всякий случай недобросовестного поведения может быть признан злоупотреблением правом. Однако то и другое поведение является упречным, осуждаемым и должно влечь определенные правовые последствия.

Библиографический список

1. Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантия интересов кредиторов : анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. — 2016. — № 32.
2. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 7.
3. О внесении изменений в части 1, 2, 3, 4 Гражданского кодекса Российской Федерации : Пояснительная записка к проекту Федерального закона // СПС «КонсультантПлюс».
4. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, злоупотребление гражданскими правами. — М., 2002.
5. О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 25 от 23 июня 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение арбитражного суда Алтайского края от 22 сентября 2015 г. по делу № А03-5616/2015 // Картоoteca арбитражных дел [Электронный ресурс]. — URL: <http://kad.arbitr.ru/>.
7. Решение арбитражного суда Алтайского края от 06 декабря 2016 г. по делу № А03-16058/2016 // Картоoteca арбитражных дел [Электронный ресурс]. — URL : <http://kad.arbitr.ru/>.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — М., 2003.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части второй) (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. — М., 2003.
10. Постановление ФАС Поволжского округа от 22 сентября 2011 г. по делу № А55-1582/2010 // Картоoteca арбитражных дел [Электронный ресурс]. — URL : <http://kad.arbitr.ru/>.
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 24 июня 2014 г. № А36-408/2013 // Картоoteca арбитражных дел [Электронный ресурс]. — URL : <http://kad.arbitr.ru/>.